

га, нам представляется неприемлемым, поскольку известно, что диалектное дробление Франции обусловлено с генетической точки зрения не только церковно-политическими границами, но и границами расселения племен, границами романизации и германизации, а в некоторых случаях — и географическим ландшафтом.

Нам хочется также подчеркнуть, что книга Ш. Т. Госсена является единственной работой, в которой суммируется состояние старошкардского диалекта. Для этого автор собрал и систематизировал очень большой фактический материал, используя в основном все изданные литературные памятники и хартии, а также значительное количество архивных документов. Необходимость такого исследования давно назрела и ощущается всеми диалектологами и историками французского языка. Однако книга Ш. Т. Госсена представляет не меньший и теоретический интерес благодаря постановке вопроса о шкардском диалекте как о самостоятельной языковой единице, а также сравнительному изучению языка деловых документов и литературных памятников.

М. А. Бородина

Испанско-русский словарь. Около 42 000 слов. Под общей ред. Ф. В. Кельвина. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 944 стр.: 1-е изд.—1953; 2-е изд.—1954.

Издание в 1953 г. Испанско-русского словаря приветствовалось всеми советскими испанистами: студентами и преподавателями вузов, переводчиками и филологами. Полезен словарь и для испанцев, изучающих русский язык. Напомним, что последнее издание Испанско-русского словаря вышло в 1937—1939 гг. Оно было очень неполным (30 тыс. слов), содержало много неточностей, опечаток и прямых ошибок и не отражало в целом состава лексики современного испанского языка. Более полное издание 1930—1931 гг. стало библиографической редкостью. Вопле не понятию поэтому, насколько своевременным было появление Испанско-русского словаря, содержащего около 42 тыс. слов. Авторский коллектив тщательно пересмотрел словарные статьи предыдущих изданий. Многие неточности и ошибки при этом были устранены. Исправлена также организация словарных гнезд. Новый словарь, таким образом, и по объему, и по своему качеству превосходит предыдущие издания. В этом сказался прежде всего огромный опыт, накопленный и частично теоретически обобщенный Издательством иностранных и национальных словарей.

Характеристика словника. Обращает внимание, что, несмотря на умеренный объем словаря, авторы сумели отразить в нем широкий круг лексических явлений. В частности, учитывая растущий интерес советских читателей к произведениям современной латиноамериканской литературы, составители внесли большое количество американизмов с указанием, в каких именно странах Латинской Америки употребляются те или иные слова и выражения. Отмечены также и отдельные значения испанских слов, свойственные языку Латинской Америки. В этом смысле словарь, несомненно, сыграет большую положительную роль, способствуя ознакомлению наших читателей с передовой латиноамериканской литературой, помогая им глубже проникнуть в смысловые и стилистические особенности ее языка.

Важно подчеркнуть, что в словаре весьма полно представлена также общественно-политическая лексика и научно-техническая терминология.

Составители проявили много такта в отборе устаревших, архаичных для современного языка слов. В задачи авторов входило, очевидно, не только подобрать словник современной испанской лексики, но и включить в него некоторые лексические факты, характерные для языка классической эпохи и необходимые для понимания произведений XVI—XVII вв. Авторский коллектив, на наш взгляд, достиг этой цели. Можно было бы лишь упрекнуть составителей в том, что, вводя в словарь архаизмы, они не всегда при этом делали соответствующую помету. Например, лишено пометы такое слово, как *maguer* «хотя», совершенно неупотребительное в современном языке.

Несколько менее благополучно обстоит дело с неологизмами в области испанской общепарадной лексики. Чувствуется, что авторский коллектив ориентировался главным образом на предыдущие издания испанских академических, толковых, энциклопедических и других словарей, не проводя систематической работы над современной испанской и латиноамериканской литературой и особенно периодической печатью. В словаре не отмечены многие новые слова и выражения, не зафиксировано в нем и семантическое обогащение ряда слов, изменивших свою смысловую структуру. Например, мы не находим таких образований, как *tiralevitas* «льстец, подхалим», *pollo pera* «франт, щеголь», *pluma fuente* «самопишущая ручка», *trinchera* «плащ, пыльник», широко распространенных в современном языке. В статье *recoger* отсутствует значение «выразить, отразить», весьма характерное для современного испанского языка.

Глагол *finisar* переводится лишь как «приобретать недвижимую собственность», в действительности же, он означает также «опираться». Это значение распространено в латиноамериканском варианте языка. Совсем не помещено в словаре слово *comicios*, употребляемое в периодической печати Латинской Америки в значении «выборы, предвыборные собрания».

Таким образом, проявив в одном отношении большую тщательность в составлении словника, авторы словаря не сумели, однако, включить в него значительное количество неологизмов, а также правильно отразить семантический объем ряда слов, что снижает полезность словаря, мешая ему быть полноценным пособием при переводе, например, современной прессы. Это свидетельствует о том, что в лексикографической практике сбор материала по словарям должен непременно сочетаться с большой и систематической работой над источниками. Работа над источниками совершенно необходима при составлении словарей испанского языка, так как большинство издающихся в Испании академических и толковых словарей отстает от развития лексики, являющейся, как известно, наиболее подвижным элементом языка. Кроме того, испанские академические словари, в силу своего нормативного характера, принципиально не санкционируют употребление слов, недавно вошедших в обиход и не выдержавших еще испытания временем. При составлении двуязычных словарей этой установкой, повидимому, руководствоваться не следует.

Работа над источниками должна способствовать также правильному отбору лексики, помещенной в различном рода испанские словари, и в первую очередь в словари Академии. В частности, необходимо иметь в виду, что испанская Академия с таким же трудом принимает слово, как и исключает его из словаря. Очень показательный пример в этом смысле находим в книге Х. Касареса «Введение в современную лексикографию»¹, являющееся искажением майоркинского *sobrasada* (от лат. *salpressare*). Исходя из формы *sobreasada*, возникшей на основе народной этимологии и осмысленной как субстантивированное причастие, авторы словаря образовали несуществующий в языке глагол *sobreasar* «пережаривать», который до сих пор (т. е. более двух веков!) включается в испанские толковые и академические словари. Этот выдуманный глагол перенесен и в рецензируемый Испанско-русский словарь. Попало в него также значительное количество так называемых «императивных» имен, характеризующих язык отдельных писателей золотого века и давно выпавших из испанской лексики. Например, *tragamallas*, *catasalsas*, *desentierramuertos*, *espantanublados*, *tragaavemarias*. Эти существительные в испанских словарях не сопровождаются указанием на их устарелый характер. Лишены они соответствующей пометы и в Испанско-русском словаре. Значение некоторых из этих слов раскрывается, кроме того, не вполне точно. Так, *tragamallas* объясняется ссылкой на *tragalbadas* «обжора». В действительности, у испанских писателей-классиков преобладало употребление его в значении «прохвост, шарлатан»². В словаре, изданном в 1930 г., это значение было отмечено.

Заканчивая характеристику словника, укажем на отдельные, повидимому, случайные упущения. Так, в словаре отсутствует очень простое и употребительное слово *el mañana* «будущее». По непонятным причинам дано слово *satán* «сатана», но нет более распространенного *satánas*. Отсутствуют такие слова, как *gentílico* «языческий», *desinencia* (грам.) «окончание».

Фразеология. Приходится констатировать, что идиоматика отражена в словаре весьма скудно, хотя она едва ли не в большей степени осложняет понимание текстов, чем иные слова, значение которых легко выводимо из их морфемного состава (ср. *vencedor*, *preguntador*, *informante*). Поэтому, возможно более широкий охват фразеологии иностранного языка является, на наш взгляд, одним из необходимых условий полноценности словаря. Между тем, может быть, в связи с ограничением объема словаря, в нем отсутствует большое количество чрезвычайно распространенных в испанском языке фразеологизмов, таких, например, как *niño gótico* «пустой и самодовольный щеголь», *tomar las de Villadiego* «удирать», *poner como chupa de domine* «обругать», «перемывать косточки», его синонимы *poner verde* и *poner de vuelta y media*; *hacer gracia* «нравиться, казаться забавным» и другие. Нет в словаре даже некоторых сочетаний, выполняющих функцию союзных слов, ср. *a cuenta de* «по причине».

Наряду с бедностью идиоматики, в словарь внесено немалое количество неидиоматических устойчивых сочетаний (частично в качестве иллюстративного материала), не представляющих никаких трудностей ни для понимания, ни для перевода текста (к этому вопросу мы еще вернемся). Такие сочетания, как, например, *reacción imperialista* «империалистическая реакция», помещенное в словарь дважды, могли бы быть

¹ J. Casares, *Introducción a la lexicografía moderna*, Madrid, 1950, стр. 41—43.

² См. например, F. Quevedo, ed *Clásicos castellanos*, Madrid, 1911, т. III, стр. 174.

исключены из него без всякого ущерба для полезности словаря, причем это позволило бы увеличить удельный вес идиоматики.

Попутно хочется отметить удачные переводы фразеологизмов, в том числе пословиц и поговорок, на русский язык. Авторы, как правило, сумели найти в русском языке наиболее точные в смысловом и стилистическом отношении эквиваленты. Это качество делает словарь ценным помощником не только читателей испанской литературы, но и ее переводчиков.

Анализируя обработку фразеологического материала, укажем на непоследовательность его распределения по словарным статьям. Например, *hacerse cargo de* в значении «понять, узнать» включено в статью *hacer*, а тот же оборот в значении «взять на себя» помещен в статью *cargo*. Некоторые идиомы фигурируют в двух словарных статьях, другие лишь в одной, хотя в их состав также входят два знаменательных слова. Например, *salir del paso* «выходить из затруднительного положения» включено в статьи *salir* и *paso*, а оборот *salir del apuro*, имеющий то же значение, находим только в статье *salir*. А *salir al paso* неполно переведенное как «давать отпор», помещено в объяснениях к слову *paso*. *Salir de sus casillas* «выйти из себя» мы снова находим в двух словарных статьях.

Создается впечатление, что авторы словаря не руководствовались каким-либо единым критерием при каталогизации фразеологии. А между тем он совершенно необходим в лексикографической практике. Применение его в работе над словарями даст, с одной стороны, возможность сократить объем словаря, а с другой стороны, облегчит и само пользование словарем.

Идиоматика в словарных статьях может быть расположена согласно ряду принципов. Известен, например, семантический критерий, в соответствии с которым определенное сочетание помещается по семантически центральному, основному слову. Известно также, насколько практически трудно соблюдать подобную установку по отношению к идиоматическим выражениям, в которых значения частей полностью растворятся в единой семантике целого. Фразеологические сочетания могут располагаться также по стержневому с точки зрения синтаксических связей слову. При подобном подходе устойчивые сочетания (в том числе и идиомы) как бы приравниваются к свободным. Это находится в заметном противоречии с семантической структурой многих устойчивых сочетаний, поскольку синтаксически управляющее слово нередко оказывается наименее семантически весомым. Ср., например, глагольно-именные образования с лексически полуустойчивыми глаголами *dar*, *echar*, *meter*, *hacer* и др. Наконец, существует формальный, условный принцип расположения материала. Устойчивые сочетания могут распределяться, например, по первому знаменательному слову, входящему в их состав. Однако на практике это осложняется тем, что внутри некоторых фразеологизмов допустимы колебания порядка слов. В испанских академических словарях устойчивые сочетания расположены по одному из образующих их компонентов. При этом соблюдается следующий порядок выбора слова. На первом месте стоит существительное, далее следуют глагол, прилагательное, междометие, наречие и т. д. Не будем спорить сейчас о правомерности именно такого порядка предпочтения частей речи, отметим лишь, что сама предложенная словарем норма кажется нам приемлемой¹.

Разумеется, трудно решить без апробирования практикой, какая установка окажется наиболее целесообразной. Возможно, разнородные семантические типы устойчивых сочетаний следует распределять по-разному. Несомненно одно: отсутствие четко выработанных принципов систематизации устойчивых сочетаний приносит немалый ущерб практике составления двуязычных словарей. Это обстоятельство налагает определенную ответственность не столько на составителей того или иного словаря, сколько на само Издательство иностранных и национальных словарей.

Иллюстративный материал. Другим важным моментом в лексикографической работе является вопрос о мере введения в двуязычный словарь иллюстративного материала. Нам представляется, что при стремлении максимально сжать объем словаря языковые иллюстрации должны даваться чрезвычайно экономно. Они возможны по существу лишь при следующих обстоятельствах: 1) когда перевод осуществлен многозначным, допускающим разное толкование словом; 2) когда значение слова колеблется в зависимости от структуры образуемого им словосочетания (в этом случае иллюстрация может быть заменена схематическим указанием на конструкцию); 3) когда поясняется лексически связанное, обусловленное значение слова.

¹ Этот принцип при вариациях в семантической «иерархии» частей речи применен в «Опыте словаря средневекового испанского языка» (*Tentative Dictionary of Medieval Spanish*), Chapel Hill, 1946), а также в «Лексикографическом справочнике» Ромеро-Наварро (См. M. Romero-Navarro, *Registro de lexicografía hispánica*, Madrid, 1951, стр. 11 предисловия). Теоретический анализ преимуществ и недостатков этой системы обработки материала можно найти в цитированном уже труде по лексикографии Хулио Касареса (J. Casares, указ. соч., стр. 95—98).

Следует признать, что в перечисленных случаях словарь, в основном, правильно соблюдает меру введения иллюстраций. Так, регулярно отмечается, в сочетании с какими семантическими типами слов или конкретными словами выступает то или иное связанное значение. Обращают внимание лишь отдельные упущения в этом плане. Так, например, нельзя ограничиться указанием на то, что глагол *tomar* означает «пить, есть», поскольку далеко не во всех сочетаниях с названиями продуктов питания он может иметь данное значение. Совсем не отмечено другое обусловленное значение глагола *tomar* «садиться»; например, *tomar el metro, el tren* «садиться в метро, в поезд».

Не иллюстрируются также отдельные конструктивно обусловленные значения слов. Например, никак не отражено в словаре, что *vengar algo* или *a alguien* означает «отомстить за что-то» (или «кого-то»), а *vengarse de alguien* «отомстить кому-то».

В целом, как уже говорилось, при указанных выше условиях норма введения в словарь иллюстраций соблюдена правильно. Возражение вызывает другое. В словаре дается большое количество примеров, не ведущих к раскрытию или уточнению значения слова. Нужно ли в качестве иллюстрации к слову *miembro*, переведенному как «член (организации и т. п.)», ставить такой пример, как *miembro de un sindical* «член профсоюза», повторяющийся и в статье, выступающее в сочетании с названиями средств сообщения *sindical*; или прилагательное *capitalista* «капиталистический» пояснить сочетанием *sociedad capitalista* «капиталистическое общество»? Подобный иллюстративный материал лишь увеличивает объем словаря, не позволяя более полно осветить в нем фразеологию.

Соотносительные родовые формы имен существительных. Непоследовательно представлены в словаре соотносительные формы мужского и женского родов суффиксальных существительных со значением действующего лица. Так, имена с суффиксом *dor* в одних случаях даются в форме обоих родов (ср. *pecador* «грешник», *pecadora* «грешница», *vendedor* «продавец, торговец», *vendedora* «продащица, торговка» и пр.). В других случаях словарь ограничивается только формой мужского рода (см. статьи *vengador, comprador, autor* и др.). То же может быть отнесено к существительным со значением лица, имеющим суффикс *-ero*.

В статьях к именам с суффиксом *-ista* иногда стоят значки мужского и женского родов, указывающие на то, что данные существительные могут быть отнесены к лицам мужского и женского пола¹. В других случаях ставится только значок мужского рода «м». Столь же непоследовательно расставлены пометы в статьях к «императивным» существительным, у которых соотносительные родовые формы также не выражаются изменением структуры слова. В большинстве статей к существительным этого типа со значением образной характеристики лица имеются оба значка (см. статьи — *tragavermas, tragaldabas, zampalimosnas, tragaleguas, tragamallas, tragasopas*). Пометки «м», «f» поставлены заодно и после существительного *trapaperras* «автомат, автоматическая касса», хотя оно совсем не означает лица и употребляется обычно в мужском роде. Но в ряде статей к «императивным» именам, особенно тогда, когда потребовался бы самостоятельный перевод слова, авторы ограничиваются значком мужского рода (ср. *lameplatos, zampatorlas, zampabollos*). Вызывает возражение и другое обстоятельство, связанное с трактовкой родовых форм существительных в двуязычном словаре. Можно ли, ставя после испанского существительного значки обоих родов, давать перевод только в мужском роде, как это делают иногда составители словаря? (Ср. *moscovita, m. f.* «москвич»). Нам кажется целесообразным в скобках указывать исход слова в женском роде: «москвич(ка)».

Проблема обработки соотносительных родовых форм существительных в двуязычном словаре оказывается на практике более сложной, чем это может представиться. В рецензируемом словаре мы не находим удовлетворительного решения этого вопроса.

Построение словарной статьи. Нельзя считать последовательной организацию материала в некоторых словарных статьях. Например, в статье *perra* отсутствует значение «монета в 5 или 10 сентимо». Нет в словаре и сочетания *perra gorda* или *grande* «монета в 10 сентимо», но среди фразеологии с участием существительного *perra* «сука» дан оборот *para ti la perra gorda!*, переведенный как «твоя взяла!». При таком расположении материала в словарной статье внутренняя семантическая структура этого выражения может быть истолкована совершенно ошибочно (буквально: «тебе досталась толстая собака!»).

Слово *boliche* переводится в словаре как «лавка, торгующая старьем», и имеет помету «американизм». В то же время *bolichero* (т. е. «хозяин подобной лавки») трактуется как «мелочный торговец» и отмечается значком «Арг.» (Аргентина).

В некоторых словарных статьях даются сразу два синонима, причем можно понять, что перечисляемые далее значения относятся к ним обобщенно. Ср. *narig/ón, ~udo* 1. adj. «большеносый, носатый»; 2. m. 1) «носище», 2) «отверстие в носу для кольца». Есте-

¹ Издательство отказалось от значка «com» («com»), которым в испанской лексикографии, а также в прежних испанско-русских словарях отмечались существительные так называемого общего рода.

ственно представить, что *narigón* и *narigudo* совпадают во всех даваемых словарем значениях. На самом деле они синонимичны лишь в первом значении, а другие два относятся только к слову *narigón*.

Есть в словаре и отдельные недосмотры. Укажем на некоторые из них. Существительное *sinhueso* «язык» ошибочно помечено значком мужского рода. В действительности оно употребляется в женском роде, что объясняется ассоциацией со словом *la lengua*. В прежних изданиях словаря этого недосмотра не было.

Выражение *darse cuenta de* переведено глаголом «понимать», причем не фиксируется другое, не менее широко распространенное значение «замечать». Ср. *No me di cuenta de como entraste* «Я не заметил, как ты вошел».оборот *caer en la cuenta*, напротив, переводится только глаголами «замечать, усматривать». На самом деле, он означает также «понять».

Не ясно, почему *vendepatrias* имеет помету «pl.» и переводится как «торговцы родиной». Это слово может употребляться как во множественном, так и в единственном числе. В статье *volverse* отсутствует едва ли не центральное значение «обернуться, повернуться». Слово *impostor* означает не только «клеветник», но и «самозванец». *Libreta* в современном языке это не только «записная или сберегательная книжка», но и «ученическая тетрадь». *Idiosincrasia* не является эквивалентом соответствующего русского термина.

Слово *genérico* вряд ли может означать «неопределенный» (артикль), как думают авторы словаря. Одно из значений слова *orden* переведено: «арх. стиль, орден». В действительности, в архитектуре имеются *ordera*, а не *ordena* (ср. *коринфский ордер*, *сложный ордер* и др.).

Число неточностей, пожалуй, можно было бы умножить. В огромном материале, трактуемом словарем, они в той или иной степени неизбежны. Но отдельными недочетами не могут быть заслонены такие несомненные достоинства рецензируемого Испанско-русского словаря, как богатство и разнообразие лексического материала, хорошо продуманные словарные статьи, точные и сжатые переводы. Издательство иностранных словарей выпустило еще одну работу, которой заслужило искреннюю признательность лиц, практически пользующихся словарем.

Н. Д. Арутюнова

Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. Отв. ред. Е. А. Бокарев. М., Изд-во АН СССР, 1955. 160 стр. (Ин-т языкознания АН СССР)

1

Л. И. Жирков уже много лет работает над исследованием горских языков Дагестана, к которым принадлежит и лакский язык, и приобрел имя крупного специалиста в этой области кавказской лингвистики как автор ряда ценных работ¹. Основной задачей рецензируемой книги Л. И. Жирков выдвигает исследование грамматического строя лакского литературного языка.

Первым серьезным научным исследованием этого языка был большой труд П. К. Услара «Лакский язык», относящийся еще к 60-м годам XIX в., но опубликованный лишь в 1890 г.² Труд этот, конечно, устарел и требует коренного пересмотра; он сохраняет ныне свое значение главным образом как детальное собрание языковых фактов. Этот материал необходимо дополнить новыми данными и он должен быть теперь описан по-новому.

Основную часть книги Л. И. Жиркова и составляет описательно-нормативная грамматика современного лакского литературного языка, изложенная с учетом не только требований науки, но и потребностей школы. Фонетика, выведенная за пределы грамматики, но тесно с нею связанная, также выдержана в плане научного опи-

¹ См. Л. И. Ж и р к о в, Грамматика аварского языка, М., 1924; е г о ж е, Грамматика даргинского языка, М., 1926; е г о ж е, Табасаранский язык, М.—Л., 1948; е г о ж е, Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941; е г о ж е, Об основном словарном фонде горских языков Дагестана, ВЯ, 1953, № 3; е г о ж е, Спряжение глагола в лакском и даргинском языках, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», вып. VII, М., 1955 и др.

² См. П. К. У с л а р, Этнография Кавказа. Языкознание, [вып.] IV, «Лакский язык», Тифлис, 1890 (лиитографированное издание, выпущенное самим Усларом, относится к 1864—1865 гг.); см. также А. S c h i e f n e r, Ausführlicher Bericht über Baron P. v. Uslar's Kasikumükische Studien, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg», 1866, t. X, № 12.